

НОВОЕ В ФИЛОСОФИИ

Проективный философский словарь*

Выпуск 5

Редакция продолжает публиковать подборки новых статей к Проективному философскому словарю. В этот номер вошли статьи В.И. Пржиленского, посвященные новым способам философского осмысления познания.

СЛОВАРНЫЕ СТАТЬИ

ДЕГЕОМЕТРИЗАЦИЯ МЫШЛЕНИЯ (degeometrization of thought) – процесс, инициированный лингвистическим поворотом, произошедшим как в англоязычной (аналитическая философия, прагматизм), так и в континентальной (феноменология, структурализм) философских традициях. Созданные на основе поворота методы (анализ естественного языка, семиотика, герменевтика, деконструкция) позволяют увидеть генетическую связь фундаментальных философских средств и методов с мысленным овеществлением не вещественного, опространствливанием непространственного, а также с геометризацией самого пространства.

Важнейшими вехами геометризации философии и западного мышления в целом можно считать 1) учение Парменида, позволявшее ему утверждать, что бытие имеет шарообразную форму; 2) разработка и обоснование Сократом и Платоном умозрительного (спекулятивного) метода; 3) введение Аристотелем понятийной оппозиции «форма – содержание»; 4) геометризация пространства Галилеем; 5) геометризация времени Ньютоном и Лейбницем; 6) модернизация умозрительного метода Декартом; 7) синтез логики, алгебры и геометрии; 8) распространение средств и методов математики на сферу социальных взаимодействий, управления и т.п. 9) общая теория систем.

Опространствливание непространственного, овеществление не вещественного – важнейший прием геометризованного мышления, умозрительной философии. Оптическая метафора позволяет рассматривать то, что не является вещью, так, как будто это вещь. Особую роль при этом играет стремление теоретика выстраивать предметы мысли в определенные порядки, напоминающие порядки отношений между вещами. Да и сами отношения путем образования абстракт-

* Начало см.: Философские науки. 2009. № 9 – 12.

ных понятий становятся опространствленными. Так появляются системы качеств, системы отношений и даже системы действий, предоставляющие рассматривать реальность как упорядоченную и законосообразную. Наглядность таких схем, образов реальности и картин мира уподобляет мышление (оперирование концептами, значениями, смыслами, фреймами) зрительной активности (рассматриванию) и механическим действиям (конструированию).

В итоге теоретическое мышление приобретает избыточную и нежелательную зависимость от визуальных презентаций, разнообразных схем и картин, в том числе и картин мира. Эффекты, рождаемые стихией и сущностью языка, являющиеся источником смыслообразования, становились, благодаря геометризованному мышлению, абсолютно непрозрачными.

Дегеометризация мышления, набирающая скорость со второй половины XX в., существенным образом связана с отказом от традиционных форм философствования как находящихся в зависимости от оптической метафоры и гипостазирования языка. В результате выявления и преодоления оптической метафоры философы, прежде «подражавшие геометрам», обращаются к разнообразным филологическим и грамматико-аналитическим практикам, стремясь с их помощью вернуться к вопросу о смысле (см. *Фундаментальные философские имитации*). В философии Хайдеггера геометризованному мышлению (мышлению, основанному на опространствливаннии) противопоставляется темпорализированное мышление (мышление, основанное на темпоральной онтологии).

1. *Пржиленский В.И.* Картезианская парадигма и современность / Человек. Наука. Цивилизация. Сб. статей. Вып.2. — Ростов-на-Дону, 2005.

2. *Пржиленский В.И.* Перспективы посттеоретической философии в современной России // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 1.

3. Современная культура в контексте эволюции научной рациональности / Под ред. В.И. Пржиленского. — М.; Ставрополь, 2009.

В.И. Пржиленский

НОВОЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕЯ РЕАЛЬНОСТИ (neoeuropean idea of reality) — тезис о том, что и бытие, и мир можно представить как одну сверх-вещь или один сверх-процесс. Эта идея предшествовала разнообразным описаниям и конструкциям реальности, а также современным спорам между реалистами и конструктивистами. Она привела к радикальному сдвигу в структуре концептуальных каркасов и теоретических схем описания мира, имела огромное влияние на последующее развитие философии, науки и современной ментальности в целом. Вещи постепенно были «вытеснены» на периферию познавательных интересов философии. Утверждение новоевропейской идеи реальности фактически означало, что последняя первична по

отношению к вещам и позволяет рассматривать их лишь как отдельные проявления реальности, подчиняющиеся всеобщим законам, которые есть не что иное, как свойства этой самой реальности. В средневековой схоластике понятие реальности (*realitas*) играло весьма значительную роль, но в нем мыслились лишь свойства единичных вещей (*res*), своеобразные начала вещей. Вещи с их включенностью в систему отношений, определяемые через «открытые» и «скрытые» качества, через субстанции, акциденции и четыре причины явились главным препятствием на пути к математизации природы.

Одна из наиболее существенных рациональных инициатив XVII в., многократно повторяемая и Галилеем, и Декартом, и Лейбницем, гласила: вещи суть тела, а в телах нет ничего, кроме движения, числа и фигуры [1. – С. 88]. В этой схеме реальность предстает как некая сверх-вещь, а вещи фактически мыслятся как ее производные, т.е. как виды или даже частные случаи. Универсальное (реальность) превращается в закон для всего единичного (вещей). Вслед за математическим естествознанием (галилеевской физикой) вещи оказались изгнанными из самой философии. Если Декарт еще включал в рассуждение вещи мыслящие и вещи протяженные, то Кант заявил о том, что «вещь сама по себе» непознаваема и не может быть предметом философского рассмотрения.

В теоретической картине физической реальности не только вещи, но и тела становятся все менее различимыми. «После Максвелла, — пишет А. Эйнштейн на рубеже XIX и XX веков, — физическая реальность предстала в виде непрерывных, не поддающихся механическому объяснению полей, описываемых дифференциальными уравнениями в частных производных. Это изменение понятия реальности является наиболее глубоким и плодотворным из тех, которые испытала физика со времен Ньютона» [2. – С. 138].

После неудачи, которую потерпел проект механической и физической редукции всего и вся, происходит существенная трансформация идеи реальности, которая «расслаивается» на физическую, биологическую, социальную, историческую, языковую. Появляется даже реальность повседневной жизни, которая противопоставляется различным «теоретическим» реальностям. Затем к этой многослойной иерархической структуре добавляется множество виртуальных (мнимых) реальностей, что ничуть не вредит идее объективной и независимой от наших знаний реальности, которая кажется очевидной хотя бы на уровне постулирования.

Эволюция идеи реальности привела к различению объективной и субъективной реальностей, а затем и к концепции социального конструирования реальности (П. Бергер, Т. Лукман) [3]. Была показана зависимость человеческих представлений о реальности от языка. Это сделали и лингвисты (Э. Сепир, Д. Уорф), и философы (М. Хайдеггер, Л. Витгенштейн) [4]. Споры реалистов и конструктивистов в современной философии науки свидетельствуют о том, что вопрос о содержании исходной новоевропейской идеи реальности сохраняет

свою актуальность не только для большинства философских онтологий, но и для самого господствующего типа философствования. Тем не менее, все более открывающиеся обстоятельства ее генезиса ставят целый ряд вопросов о том, является ли постулат о реальности с ее предельным онтологическим статусом столь же очевидным и неоспоримым, сколь неоспоримыми являются другие постулаты современной философии.

1. *Лейбниц Г.В.* Соч. В 4 т. Т. 1. – М., 1983.
2. *Эйнштейн А.* Собр. научн. трудов. В 4 т. Т.4. – М., 1966.
3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. – М., 1995.
4. *Кохановский В.П., Пржиленский В.И., Сергодева Е.А.* Философия науки. –М.; Ростов-на-Дону, 2006.

В.И. Пржиленский

ПОСТТЕОРЕТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ (posttheoretical thought) – тип мышления, формирующийся в условиях сосуществования множества теорий, по-разному объясняющих одни и те же явления, а также в условиях девальвации теоретического знания как такового. Идейную основу этого типа мышления составляет посттеоретическая философия. В истории философии можно выделить два вида теоретического мышления: платонизм и картезианство. Платонизм – это теория мира, создаваемая при помощи спекуляции (умозрения). Все доплатоновские и послеплатоновские теории мира, как метафизические, так и теологические, исходили из веры в то, что общее – это закон для всего единичного и что это общее интеллигибельно (умопостигаемо). Картезианство – это теория познания, создаваемая при помощи рефлексии. Все картезианские теории познания, как рационалистические, так и эмпиристские исходят из веры в то, что познание базируется на универсальных принципах и эти принципы могут быть сформулированы.

Посттеоретическая философия представляет собой совокупность критико-рефлексивных и иных интеллектуальных практик, унаследовавших от теоретической философии не только терминологию, но и способ постановки проблем, расширив их и добавив новые. Перестав быть теорией мира или теорией познания, она выступает как особая экспертная и критическая культура мысли [1].

Историческую основу посттеоретического мышления составляют принцип дополнительности описаний, принцип лингвистической относительности и, отчасти, принцип соответствия, сформулированные еще в середине XX в. Мощный импульс становлению данного феномена придала радикальная критика традиционного учения об истине, прозвучавшая из уст прагматистов, феноменологов, аналитиков. Само транстеоретическое мышление проявляет себя в последние два десятилетия в рамках когнитивных наук, методологии case study, историко-научной рефлексии, социологии знания. В отличие

от теоретического мышления, фундамент которого составляет теория познания, посттеоретическое мышление находит основания в критико-рефлексивном опыте философии науки последнего столетия. Этот опыт позволяет совмещать гетерогенные теоретические знания различной степени универсальности благодаря переходу от дисциплинарной парадигмы запретов и ограничений к рефлексивной парадигме игры и совмещений. Появление, наряду с обычным теоретическим, транстеоретического мышления становится возможным в результате дегеометризации представлений о возможностях, границах и механизмах теоретизирования [2. – С. 3].

1. *Пржиленский В.И.* Философия науки и посттеоретическое мышление / Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: Материалы III Российского философского конгресса. Т. 1. – Ростов-на-Дону, 2002.

2. *Пржиленский В.И.* Дотеоретические искусства и посттеоретическая философия // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № 2. – С. 3 – 6.

3. *Пржиленский В.И.* Перспективы посттеоретической философии в современной России // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 1.

В.И. Пржиленский

ФИЛОИПНИЯ (philoiponia – от греч. φιλοῦπόνοια – «любовь к подозрению», от филое – люблю и ипóния – подозревать) – стремление к истине, связанное с подозрением в том, что истина сокрыта и это сокрытие было умышленным. «Социология знания, – пишут П. Бергер и Т. Лукман, – есть своеобразное применение того, что Ницше удачно называл “искусством подозрения”» [1. – С. 8].

О филоипнии следует вспоминать всякий раз, когда провозглашение некоей мысли или идеи носит характер разоблачения (или представляется таковым). Филоипния, или *искусство подозревать*, восходит к философии Сократа, заявлявшего, что простые и всем известные истины не являются таковыми. Учение Платона о пещере, где живут люди, злою волею мироустройства способные созерцать лишь тени, а не сами вещи, дало мощнейший импульс развития филоипнии. При этом речь не идет о злой воле некоего субъекта, человека или группы лиц. Скорее имеются ввиду персонификация особенностей человеческого мышления, изъяны в способе хранения и трансляции знания, особенно той его части жизненно-важных смыслов, которые открываются философам, но не могут быть сохранены без искажений. Именно это имел в виду Ф. Бекон, когда писал об идолах познания, создавая свой вариант филоипнии.

Главным противником филоипнии выступает традиция академического понимания науки как предельно объективного и бесстрастного поиска истины, в принципе исключая обсуждение познания в терминах интриги, подозрения и, тем более, разоблачения. Стремление относиться к непознанному, как к сокрытому, как к за-

гаданной кем-то загадке лежит в природе философского, а не научного познания. И неслучайно главным объектом разоблачения сегодня становится сама академическая традиция, сама наука и провозглашаемые ею истины.

В современной философии филоипония принимает самые разные формы. У Ф. Ницше подозрение атрибутируется как вид искусства и манифестируется как выстраданная позиция. Объектами подозрения у Ницше становились то моральная проповедь Иисуса, то ирония Сократа, то учение о двух мирах Платона. Пафос филоипонии наглядно демонстрируется родоначальником философии жизни, когда он задает вопросы Сократу в своем знаменитом «Рождении философии»: «Не есть ли научность только страх и увертка от пессимизма?.. О Сократ, Сократ, не в этом ли, пожалуй, и была твоя тайна? О таинственный ироник, может быть, в этом и была твоя — ирония?» [2. — С. 49]

Ницше подозревал, что от него что-то злонамеренно скрывают, он стремился разоблачать, срывать маски, сделав искусство подозрения своим главным методом. Неслучайно автор проекта переоценки ценностей избрал в качестве средств разоблачения познавательные ресурсы филологии, а не традиционной аргументации. Особое отношение к искусству подозрения продемонстрировали представители философской герменевтики, структурализма, социологии знания.

Достаточно отчетливо филоипоническое искусство явлено в философии М. Хайдеггера, придававшего большое значение теме забвения бытия, отказа от поисков смысла бытия и т.п. Даже сама мысль о том, что понимание есть способ бытия, содержит в себе завуалированное опасение оказаться в небытии по причине непонимания, незнания, забвения. Его позиция также основана на подозрении о том, что западная метафизика, т.е. доминирующий способ мышления, способствовала, намеренно или нет, утаиванию истины и сокрытию смысла бытия.

М. Фуко, предложивший свои знаменитые археологический и генеалогический методы, сделал важный шаг в деле популяризации и концептуализации филоипонии. Ему принадлежит идея о том, что имеющиеся сегодня в нашем распоряжении знания не дают представления об обстоятельствах их происхождения, а значит, и не могут быть использованы «по назначению». Полученные в рамках другой эпистемы, исходящие из совершенно иных соответствий между словами и вещами, эти знания нуждаются в усилиях археологического и генеалогического свойства. Необходимо обнаружить их истоки, т.е., подобно археологам, раскопать их следы в мире фактичности, и, подобно историкам-архивистам, восстановить документальные свидетельства.

В сфере социальных и политических практик современности филоипония стала источником разнообразных «теорий заговора». Конспирологический дух как реакция на невиданные доселе возможности манипуляции общественным мнением и массовым сознанием, ста-

новится массовым явлением в современном обществе. Сама мысль о том, что правительство, кучка заговорщиков или тайное и невидимое правительство могут запросто навязывать людям любые мысли и, тем самым, лишать их свободы, подавлять их волю, отбирать идентичность, способна встревожить. Но в XX в. становится ясно, что управлять сознанием можно не только путем сокрытия информации, прямого обмана и фальсификации фактов. Лишить человека самой возможности свободного и самостоятельного суждения можно путем навязывания ему теорий, понятий, картин мира [3]. Само право *давать имена предметам* сегодня, когда все постоянно именуется и переименовывается, превращается в источник огромной опасности для свободы человеческой личности. В тревоге и страхе людей быть обманутыми кроется источник той популярности, которую приобрели не только сами теории заговора, но и, несомненно, влияющий на них опыт философского искусства подозрения – филоипонии.

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М., 1995.
2. Ницше Ф. Соч. В 2 т. Т. 1. – М., 1990.
3. Пржиленский В.И. И академичность, и свобода! // Эпистемология и философия науки. 2007. № 1. – С. 58 – 62.

В.И. Пржиленский

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИМИТАЦИИ (fundamental philosophy imitations) – подражание тем или иным видам человеческой деятельности как ориентир для выбора направления движения философской мысли. Все традиции, школы и способы философствования возникали и развивались в контексте усиления или ослабления фундаментальных подражаний, лежащих в их основе.

Подражание геометрам, декларируемое еще Платоном, было и остается моментом, вдохновляющим философов на поиск образов, умозрений, интуиций, метафор, порождающих новые смыслы и позволяющих изменять уже существующие. От спекулятивной метафизики античных и средневековых платоников и до постструктуралистских визуализаций Ж. Делеза и Ф. Гваттари, эта имитация во всем своем многообразии играет важную роль в философствовании.

Не менее древним видом философской имитации является *подражание филологам*, оракулам, экзегетам и поэтам, способным постигать истину как откровение, как тайно передаваемый смысл, как нечто уникальное. Филологическими и экзегетическими по своей сути являются феноменолого-герменевтический призыв к поиску смысла и уподобление мира тексту.

Подражание судьям, наиболее очевидно проявленное в философии Канта, выражается не только в практике аргументации, системосозидании, способности судить (суждении). Сами вопросы: «Что я могу знать?», «На что я могу надеяться?» и рассуждения о «нрав-

ственном законе внутри нас» немислимы без латентного воспроизводства правоприменительной практики.

Подражание инженерам выражается в конструировании посредством философских методов и средств концептуальных каркасов, теоретических схем и, наконец, самой реальности. Перекочевавшее из философии в экспериментальную науку теоретическое конструирование сохранило все основные черты исходного дофилософского опыта инженерно-проектного творчества, искусства «органопроекции», ремесленного изготовления замещений. В теоретизировании, также как в техническом творчестве, сливаются подражание природе и обман природы.

Фундаментальные философские имитации – это своеобразные архетипы коллективного философского бессознательного, а их соединение в реальном научном поиске создает крайне важные эффекты гетерогенности, предопределяет направление и содержание движения философской мысли.

Существуют и другие образы, связанные с профессиональными практиками, с помощью которых исследователи пытаются прояснить суть и смысл своей интеллектуальной инициативы. Так, Ф. Ницше уподоблял свои исследования составлению генеалогии (генеалогия морали), а М. Фуко прояснял собственные намерения через уподобление себя археологу (археология гуманитарных наук). Это не просто оперирование образами для усиления экспрессивных возможностей речи, не риторический, и не художественный прием. Это даже не метафора, при помощи которой происходит смыслообразование, в том числе и в философии. Называя себя составителем генеалогии, археологом, вопрошателем, анархистом или социологом, философ объявляет о разрыве с академической традицией, входящей в противоречие как с формой, так и с содержанием сделанных им открытий. Фундаментальные философские имитации декларируются крайне редко. Они вошли в «кровь и плоть» философствования и незримо присутствуют в пространстве философской мысли.

1. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М.; СПб., 1998.

2. Пржиленский В.И. Созерцание, рефлексия и коммуникация в современной культуре // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2008. № 4. – С. 23 – 28.

3. Современная культура в контексте эволюции научной рациональности / Под ред. В.И. Пржиленского. – Москва; Ставрополь, 2009.

В.И. Пржиленский